

Кириенко Наталья Геннадьевна

ТВОРЧЕСТВО Ф. И. ТЮТЧЕВА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ РЕЦЕПЦИИ XX ВЕКА

Статья посвящена особенностям восприятия лирики Ф. И. Тютчева в первой половине XX в. в Германии, представлена критическая рецепция наиболее авторитетных немецких литературоведов того времени, многие из которых указывают на связь пантеистического представления Тютчева и Гете. Тютчев назван художником, опередившим свое время в использовании художественных средств.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2010/1-2/27.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5): в 2-х ч. Ч. II. С. 98-100. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2010/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82-1

Статья посвящена особенностям восприятия лирики Ф. И. Тютчева в первой половине XX в. в Германии, представлена критическая рецепция наиболее авторитетных немецких литературоведов того времени, многие из которых указывают на связь пантеистического представления Тютчева и Гёте. Тютчев назван художником, опередившим свое время в использовании художественных средств.

Ключевые слова и фразы: Ф. И. Тютчев; лирика; критическая рецепция; немецкий романтизм; пантеизм; космизм.

Наталья Геннадьевна Кириенко

Кафедра гуманитарного образования и иностранных языков

Юргинский технологический институт (филиал) Томского политехнического университета

chenk@mail.ru

ТВОРЧЕСТВО Ф. И. ТЮТЧЕВА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ РЕЦЕПЦИИ XX ВЕКА®

Литературные события дореволюционной России на рубеже веков и культурно-политические перемены с 1917 г. вызвали живой интерес в Германии начала двадцатых. Внимание читающей публики особенно привлекали произведения молодых советских авторов, но и классическая русская литература переживала свое возрождение. Русские эмигранты в столице Германии - Берлине содействовали спонтанному продвижению русской литературы в этой стране [8, S. 155].

Среди пропагандистов русской литературы в Германии 20-30-х гг., выступавших посредниками между двумя культурами, следует назвать выдающегося литературного критика и переводчика Артура Лютера, ученого-литературоведа Дмитрия Чижевского, переводчиков Иоганнеса фон Гюнтера, Вольфганга Грегера, Генри фон Хейзелера.

В начале двадцатых годов в Германии вышли учебники по истории русской литературы Артура Лютера и Александра Элиасберга, ориентированные на широкие круги немецкой читающей публики. В своих работах о Тютчеве Элиасберг и Лютер опирались на уже известные факты биографического и историко-литературного характера, обобщенные в трудах русских литературоведов.

Александр Элиасберг видел в Тютчеве великого лирика, равного по силе поэтического дарования Пушкину, конгениального современника Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого. В своей «Русской истории литературы в отдельных портретах» [7] среди причин малоизвестности Тютчева в России он называет презрение к чистому искусству, культивированному в России во второй половине XIX века, консервативные политические взгляды поэта и его «безучастное» отношение к собственной поэзии. Чтобы познакомить читателя с поэтическими установками Тютчева, он приводит стихотворение «Silentium!» в переводе Иоганнеса фон Гюнтера. Портрет русского поэта немецкий ученый подкрепляет подробными биографическими данными, отмечая, что немецкая культура и литература оказала определенное влияние на поэта. Он также указывает на переводы Тютчева из немецких поэтов (в первую очередь Гёте, Гейне, Ленау). Элиасберг был знаком с немецкими переводами поэзии Тютчева, а именно со сборником Генриха Ноэ, переводы которого ему показались недостаточно совершенными. Литературовед удивлен, что первый полный сборник произведений Тютчева вышел в России только в 1900 году [2]!

Особое значение автор придает натурфилософской поэзии Тютчева, как основной теме его творчества. Пантеистическое представление о всеобщей одушевленности природы, характерное для тютчевских образов, он находит только у Гёте. Особенность мировосприятия Тютчева Элиасберг видит в его влечении к изображению «стихийных споров» в природе и человеческой душе. Взгляд в таинственные космические глубины, соприкосновение с хаосом, вызывает чувство безымянного страха. Стихотворение «Безумие» Элиасберг трактует как вопрос об отношениях между действительностью и поэтическим созерцанием: «Жалкая иллюзия» человеческого духа, утонувшего в своих снах, «не заботящегося» о настоящем, но «воспрянувшего», как лунатик блуждает по крайним границам познания, там, где сознательное сказочно переплетается с бессознательным, где «небо и земля сливаются друг с другом», - здесь очень наглядно и с лихорадочной проникновенностью представлено то, что передает ужас» [7, S. 108].

Кратко упоминая о цикле любовных стихотворений, Элиасберг (как и Артур Лютер) назвал Е. А. Денисьеву воспитательницей дочерей поэта. Политические стихотворения Тютчева реакционно-славянофильского характера он оценивает как «слабые», безвкусные, а поэта называет «важнейшей опорой и украшением» партии славянофилов. Среди политических стихов Тютчева как «абсолютно совершенное» он приводит обращение к декабристам «14 декабря 1825» (в переводе Иоганнеса фон Гюнтера). Горячую любовь поэта к своей родине демонстрирует стихотворение «Эти бедные селенья...», которое немецкий исследователь называет «часто цитируемым» и «единственным, действительно знаменитым стихотворением» Тютчева [Ibidem, S. 109].

Элиасберг признает, что Тютчев - художник был далеко впереди своего времени в использовании художественных средств. Он отдает должное его мастерству и, цитируя В. Я. Брюсова, называет Тютчева «учителем поэзии для поэтов».

В «Истории русской литературы» Артура Лютера [6, S. 310] представлен подробный историко-биографический очерк жизни и творчества русского лирика. Тютчева он называет самым великим «из русских поэтов, показавших в своем творчестве особое владение языком». Не оставлен без внимания факт пребывания Тютчева в Германии и то, что немецкая культура оказала большое влияние на поэта. Лютер рассказывает о его знакомстве с Шеллингом, Гейне, об увлечении Гёте, с которым его сближал пантеизм. В доказательство своих слов он цитирует строфу стихотворения на смерть Гете «На древе человечества высоком...» в своем прозаическом переводе. Лютер называет несколько переводов Тютчева из великих немецких поэтов (Гете, Шиллера и Гейне) и приводит рукописный текст первой строфы «Как порою светлый месяц...» (перевод гейневского «*Wie der Mond sich leuchtend dränget...*»)

В представлении немецкого исследователя Тютчев был первым настоящим романтиком среди русских поэтов: «у него, как и у Новалиса, мир явлений становится миром кажущимся, за которым скрывается настоящее, которое человек не может постичь определить словами, эту величину он может лишь ощутить как отголосок пламени». «Поэзия для него это освобождение себя, но высказаться полностью он не желает, так как слов не достаточно, чтобы высказать, всё то, что на душе» - как подтверждение своего высказывания Лютер цитирует текст «*Silentium!*» в переводе Вольфганга Грегера. Своеобразие Тютчева, основу его мировоззрения исследователь видит в том, что гармония Вселенной открывается ему как нечто, освободившееся из вечного хаоса, который продолжает существовать дальше таинственно и угрожающе.

Как и Элиасберг, Лютер не высоко оценивает политические стихотворения Тютчева и соглашается с мнением Ивана Аксакова, что «только имя их творца представляется ценным для читателя». Политические воззрения Тютчева он также считает одной из причин, из-за которых поэта долго не хотела принимать литературная критика. Но исследователь отмечает, что «во многих этих стихах блестяще проявляется одна особенность» - умение эпиграмматически заострить мысль, остро подчеркнуть суть. В качестве примера он приводит стихотворение «Славянам», написать которое поэта подтолкнуло высказывание авторитетного германского министра фон Бойста: «*Man muss die Slawen an die Wand drücken!*» («Славян надо прижать к стене!»). Россия - это «стена большая», к которой можно было бы спокойно прижать славян, но «каждый камень в ней живой», она «расступится», примет братьев и крепко закроется снова. Самым удачным из политических стихотворений Тютчева Лютер считает стихотворение «Эти бедные селенья...», в котором вся риторика и эпиграмматика многих политических стихов Тютчева отражена в трех строфах. Этим стихотворением в переводе В. Вольфсона он завершил свой очерк о русском лирике

В 20-30-х гг. XX века в «Журнале славянской филологии» (*Zeitschrift für slawische Philologie*) публикуется ряд статей, посвященных творчеству Тютчева. Первой в журнале был опубликован философский анализ поэзии Тютчева Семена Франка «Космическое чувство в поэзии Тютчева». Затем последовала работа Дмитрия Чижевского «Тютчев и немецкий романтизм». Чижевскому принадлежит несколько публикаций по творчеству Тютчева [4].

В своей статье «Об одном стихотворении Тютчева» [5] Чижевский называет стихотворение «Над виноградными холмами...» «загадочным». Для исследователей было загадкой время и место написания произведения.

В результате исследования Чижевский приходит к мысли, что описываемое Тютчевым место не «Ротенбург» (под этим названием стихотворение публиковалось в ранних изданиях Тютчева), а Ротенберг под Штутгартом.

Если подразумевать баварский Ротенбург-на-Таубер (как гласит заглавие в немецком переводе Фридриха Фидлера), то содержание стихотворения остается непонятным: в Ротенбурге нет пейзажа, соответствующего тютчевскому сюжету, нет изображенных в стихотворении «виноградных холмов» и «круглообразного светлого храма». Как известно, в Ротенберге графства Вюртемберг находится часовня, где похоронены король Вильгельм I и его супруга, королева Екатерина Вюртембергская, российская великая княгиня, внучка императрицы Екатерины II.

Далее делается попытка установить дату написания стихотворения. Чижевский предположил, что в июле 1834 г. Тютчев «неожиданным образом» посетил барона фон Пфеффеля в Эглосгейме (под Людвигсбургом), а также был во время этой поездки в Штуттгарте. Эта догадка позволила исследователю определить дату написания стихотворения: 1834 г. Но Чижевский не был совершенно уверен в этом и высказал вероятность того, что Тютчев мог посетить Штуттгарт раньше. Современный исследователь творчества Тютчева А. Э. Полонский предполагает, что Тютчев посетил часовню-мавзолей осенью 1828 г., во время возвращения из Парижа в Мюнхен.

На вышеуказанную статью Д. Чижевского отозвался С. Виндиш. Виндиш предполагает, что к написанию стихотворения Тютчева вдохновил не пейзаж с часовней на горе Ротенберга, а стихотворение Пушкина «Монастырь на Казбеке», напечатанное в журнале «Северные цветы» Дельвига в 1829 г. Неизвестно, читал ли Тютчев этот журнал во время пребывания за границей, но он был, несомненно, с ним знаком, так как в 1827 г. там же было опубликовано его «Подражание арабскому».

Виндиш указывает на ряд сходств. Совпадение метрического размера - четырехстопного ямба - с его точки зрения, малозначимо, так как это самый распространенный размер поэзии XIX века. Рифмы Пушкина (AabbCd CeFeF) сложнее тютчевских (aBaBcDcD). Но стихотворения близки своим содержанием композиционно: первая строфа открывает нам прекрасный пейзаж, а вторая строфа отражает настроение поэта. В описании пейзажа можно отметить сходство выразительных средств:

Пушкин:	Тютчев:
Высоко над семью гор...	Над виноградными холмами...
Твой монастырь за облаками...	плывут златые облака...
...туда б...	Взор...
подняться к вольной вышине	подъемлясь всходит к небесам

Стихотворения близки тематически (монастырь у Пушкина и мавзолей на горе у Тютчева).

Новое полное собрание стихотворений Тютчева было отмечено пражским исследователем А. Бемом [3, S. 383] Он хорошо отзывался об этом издании, открывшем новое в истории взаимосвязей великого русского лирика с немецкой литературой и культурой. Его статья делится на четыре части: 1) Шиллер и Тютчев, 2) Гёте и Тютчев, 3) Гейне и Тютчев, 4) другие взаимосвязи с немецкой литературой.

В последней части Бем приводит несколько фактов, освещающих проблему отношения русского поэта к немецкой литературе, называет переводы Тютчева из И.-Г. Гердера («Песнь скандинавских воинов»), Я. К. Цедлица («Байрон»), Уланда («Весеннее успокоение») и Ленау («Успокоение»). Он впервые упоминает стихотворение "*Nous avons pu tous deux, fatigues du voyage*" (1838), посвященное А. фон Мальтицу, жене-тому на сестре первой жены Тютчева Э. Ботмер-Петерсен.

Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что интерпретации немецких исследователей творчества Тютчева 1920-30-х гг. XX века за некоторым исключением во многом схожи между собой. К тому же имеется не так много самостоятельных исследований, не опирающихся на рецепцию русских литературоведов. Но, несмотря на это, немецкая критическая рецепция лирики Тютчева представляет интерес для дальнейшего изучения, так как являет нам особый взгляд на лирику русского поэта.

Список литературы

1. **Летописи жизни и творчества Ф. И. Тютчева** / сост. Г. Чулков. М., 1933. С. 39.
2. **Сочинения Ф. И. Тютчева. Стихотворения и политические статьи.** СПб., 1900.
3. **Bem A.** F. I. Tjutcev und die deutsche Literatur // *Germanoslavica*. Berlin: Rudolf M. Rohrer Verlag, 1935. Jg. III. Heft 1-4. S. 382-387.
4. **Cyzevskyj D.** Tjutcev und die deutsche Romantik // *ZfslPh*. Leipzig: Markert und Peters Verlag, 1927. Bd. IV. S. 299-323.
5. **Cyzevskyj D.** Zu einem Gedicht Tjutcevs // *Ibidem*. Leipzig, 1937. Bd. XIV. S. 325-331.
6. **Luther A.** Geschichte der russischen Literatur. Leipzig, 1924. S. 310-314.
7. **Russische Literaturgeschichte in Einzelporträts.** München: C. Z. Beck'sche Verlagsbuchhandlung Oskar Beck, 1922. S. 102-111.
8. **Werner X.** Der Übersetzer W. E. Groeger (1882-1950). Ein Beitrag zur Rezeptionsgeschichte russischer Literatur in Deutschland // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1984. Bd. 30. S. 155-156.

F. I. TYUTCHEV'S CREATIVITY IN THE GERMAN RECEPTION OF THE XXTH CENTURY

Natalya Gennadyevna Kirienko

*Department of Humanitarian Education and Foreign Languages
Yurga Technological Institute (Branch) of Tomsk Polytechnical University
chenk@mail.ru*

The article is devoted to the peculiarities of F. I. Tyutchev's lyrics perception in the first half of the XXth century in Germany; the critical reception of the most authoritative German literary critics of that time, many of whom point at the connection between Tyutchev's and Goethe's pantheistical ideas is presented. Tyutchev is called the artist who left behind his time in using artistic means.

Key words and phrases: F. I. Tyutchev; lyrics; critical reception; German romanticism; pantheism; cosmism.